

3.

ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА

Адам Смит
**ИССЛЕДОВАНИЕ О ПРИРОДЕ
И ПРИЧИНАХ БОГАТСТВА НАРОДОВ**

Smith Adam

An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Vol. 4, Ch. 2, 3

Об ограничениях на ввоз из иных стран таких товаров, которые могут быть произведены внутри страны

При ограничении ввоза из иных стран таких товаров, которые могут быть произведены внутри страны, – посредством ли высоких пошлин или путем абсолютного запрещения их ввоза – внутренний рынок более или менее монопольно закрепляется за отечественной промышленностью, занятой производством этих товаров. Так, запрет на ввоз живого скота или солонины обеспечивает скотоводам Великобритании монопольное положение на отечественном рынке мясных продуктов. Высокие пошлины на ввоз зерна, которые по временам принимают почти запретительный характер, обеспечивают похожее преимущество британским производителям этого товара. Столь же благоприятен для фабрикантов шерстяных тканей запрет на ввоз таких тканей из других стран. Недавно такое же преимущество получили и фабриканты шелковых тканей, хотя они и используют исключительно иностранные материалы. Промышленность

льняных тканей еще не получила такого преимущества, однако стремительно движется к этому. Многие другие группы промышленников таким же образом получили в Великобритании либо полную, либо очень близкую к полной монополию на торговлю со своими соотечественниками. Разнообразие товаров, ввоз которых в Великобританию запрещен либо полностью, либо при определенных обстоятельствах, намного превосходит то, что могли бы заподозрить люди, не слишком хорошо знакомые с таможенными законами.

IV.2.1

Невозможно усомниться в том, что эта монополия на внутренний рынок часто придает большое воодушевление тем видам промышленности, которые пользуются ею, и часто привлекает в эти отрасли более значительную долю труда и капитала общества, чем это было бы при отсутствии монополии. Но способствует ли это росту всей производительной силы общества или приданию ей наиболее выгодного направления – ответ на этот вопрос, возможно, не столь очевиден.

IV.2.2

Общая производительная сила общества никогда не может превосходить ту, что может обеспечить капитал данного общества. Как число работников, которых может обеспечивать работой любой отдельный человек, должно находиться в некоторой пропорции с его капиталом, так и число работников, которые могут быть постоянно обеспечены работой всеми членами большого общества, должно находиться в некоторой пропорции с совокупным капиталом этого общества и никогда не может быть больше того, что определяется этой пропорцией. Никакое регулирование коммерции не может увеличить производительной силы любого общества сверх той, которая может поддерживаться его капиталом. Оно может лишь направить часть этой производительной силы в каком-либо направлении, в котором она в иных условиях не использовалась бы, и никоим образом нельзя быть уверенным в том, что это искусственно заданное направление, будет более выгодным для общества, нежели то, которое оно выбрало бы по своей собственной воле.

IV.2.3

Каждый индивид постоянно стремится отыскать наиболее выгодное применение для любого капитала, которым он может распоряжаться. И на самом деле, он имеет в виду при этом свою собственную выгоду, а не выгоду общества. Однако выяснение собственной выгоды естественным – или, точнее сказать, неизбежным – образом вынуждает его предпочесть то применение капитала, которое наиболее выгодно для общества.

IV.2.4

Во-первых, каждый индивид пытается применить свой капитал как можно ближе к своему дому и, следовательно, он в меру своих возможностей будет поддерживать отечественную промышленность, но только при том условии, что при этом он всегда будет получать от применения капитала обыкновенную, а не намного меньшую обыкновенной прибыль.

IV.2.5

Таким образом, при равных или почти равных прибылях каждый купец, занимающийся оптовой торговлей, естественным образом отдает предпочтение торговле внутри страны перед торговлей с другой страной и торговле с другой страной перед посреднической торговлей между чужими странами. При торговле внутри страны его капитал никогда не уходит надолго из поля его зрения, как это часто происходит при торговле с другой страной. Он может лучше знать характеры и положение людей, которым он доверяется, а если ему случится быть обманутым, то он лучше знает законы страны, у которой он должен искать возмещения. При посреднической торговле между чужими странами капитал купца как бы делится между двумя чужими странами и может никогда не возникать необходимости в возврате части этого капитала в его страну или под его непосред-

твенный присмотр и управление. Капитал, который амстердамский купец использует для перевозки зерна из Кенигсберга в Лиссабон и фруктов и вина из Лиссабона в Кенигсберг, должен, как правило, быть поделен пополам между Кенигсбергом и Лиссабоном. Никогда не возникает необходимости в переводе хотя бы части его в Амстердам. Естественно, что такой купец должен проживать либо в Кенигсберге, либо в Лиссабоне и только в силу весьма особенных обстоятельств он может предпочесть проживание в Амстердаме. Однако беспокойство, которое он ощущает, находясь в таком отдалении от своего капитала, как правило, заставляет его доставлять часть кенигсбергских товаров, предназначенных для лиссабонского рынка, и часть лиссабонских товаров, предназначенных для кенигсбергского рынка, в Амстердам; и хотя это неизбежно вынуждает его удваивать издержки, связанные с погрузкой и разгрузкой товаров, а также уплачивать некоторые пошлины и таможенные сборы, все же он охотно принимает на себя эти дополнительные издержки ради того, чтобы всегда иметь под своим присмотром и управлением некоторую часть своего капитала; и именно благодаря этому каждая страна, имеющая сколько-нибудь значительную долю в посреднической торговле, всегда становится общим рынком для товаров из всех тех разных стран, между которыми ведется посредническая торговля. Для того чтобы сэкономить на вторичной погрузке и разгрузке товаров, купец всегда пытается продать как можно больше товаров из разных стран на рынке своей страны и тем самым по мере своих возможностей превращает свою посредническую торговлю в обычную торговлю между своей и другой страной. Таким же образом, купец, занимающийся торговлей с другими странами, приобретая товары для зарубежных рынков, всегда будет рад продать как можно большую часть их в своей стране – при условии получения им равной или почти равной прибыли. Превращая тем самым по мере своих возможностей свою торговлю с другими странами во внутреннюю торговлю, он убергает себя от риска и тревог, связанных с вывозом товаров в другие страны. Таким образом, внутренний рынок, если можно так выразиться, является тем центром, вокруг которого непрерывно циркулируют капиталы жителей каждой страны и к которому они всегда тяготеют, хотя в силу особых причин они могут иногда удаляться от него и находить себе применение в более отдаленных местах. Однако капитал, используемый во внутренней торговле, как уже было показано, неизбежно приводит в движение большее количество производительной силы страны и приносит доходы и занятость большему числу жителей этой страны, чем капитал равной величины, используемый в торговле с другими странами, а капитал, используемый в торговле между своей страной и другими странами, обладает тем же преимуществом по отношению к равному по величине капиталу, используемому в посреднической торговле между чужими странами. Поэтому при равных или почти равных прибылях каждый индивид естественным образом склонен использовать свой капитал таким образом, при котором этот капитал, скорее всего, сможет оказать наибольшую поддержку производительной силе его страны и обеспечить доходом и занятостью наибольшее число его соотечественников.

IV.2.6

Во-вторых, каждый индивид, использующий свой капитал в поддержку производительной силы своей страны, неизбежно пытается так направить эту производительную силу, чтобы ее продукт мог иметь наибольшую возможную ценность.

IV.2.7

Продукт производительной силы есть то, что она добавляет к предмету или материалам, к которым она прилагается. В зависимости от того, велика или мала ценность этого продукта, так же велики или малы будут прибыли промышленника. Однако любой человек использует свой капитал для поддержки промышленности только ради получения прибыли и поэтому он всегда будет стремиться использовать свой капитал для поддержки той промышленности, продукт которой, скорее

всего, будет иметь наибольшую ценность или обмениваться на наибольшее количество либо денег, либо других благ.

IV.2.8

Однако годовой доход каждого общества всегда в точности равен обменной ценности всего годового продукта ее промышленности или, точнее говоря, он совпадает с этой обменной ценностью. Поэтому, поскольку каждый индивид стремится по мере своих возможностей как использовать свой капитал для поддержки производительной силы страны, так и направить эту производительную силу таким образом, чтобы ее продукт мог иметь наибольшую ценность, каждый индивид неизбежно в меру своих возможностей прилагает усилия для увеличения годового дохода общества. В действительности, он, как правило, не имеет намерения содействовать общественному интересу и не знает, насколько он ему способствует. Предпочитая поддерживать производительную силу своей страны, а не чужих стран, он имеет в виду лишь собственное благополучие, а направляя эту производительную силу таким образом, чтобы ее продукт мог иметь наибольшую ценность, он имеет в виду лишь собственную выгоду – и в этом случае, как и во многих других случаях, некая невидимая рука заставляет его добиваться результата, который никак не входил в его намерения. И то, что этот результат не входил в его намерения, не всегда бывает к худшему для общества. Преследуя свой собственный интерес, он часто способствует интересам общества более эффективно, чем если бы он действительно был намерен содействовать им. Я никогда не слышал о больших добрых делах, сотворенных теми, кто стремился торговать на благо общества. В действительности такое стремление не слишком распространено среди торговцев и для того, чтобы отвратить их от этого, не требуется многих слов.

IV.2.9

В каких разновидностях отечественной промышленности можно использовать свой капитал и продукты каких из них, скорее всего, будут иметь наибольшую ценность – очевидно, что об этом каждый индивид, зная свое положение, может судить гораздо лучше, чем кто-либо из государственных деятелей или законодателей. Государственный деятель, который попытается указывать частным лицам, как им следует использовать свои капиталы, не только обременит себя совершенно ненужными заботами, но и присвоит себе такую власть, которую нельзя без опасений доверить не только отдельному человеку, но и какому то ни было совету или сенату и которая опаснее всего будет в руках человека, достаточно легкомысленного и самонадеянного для того, чтобы позабавить себя ее применением.

IV.2.10

Обеспечить продуктам какого-либо отечественного ремесла или промышленности монополию на внутренний рынок страны означает в некоторой степени указать частным лицам, как им следует использовать свои капиталы, что почти во всех случаях не может не быть либо бесполезным, либо вредным указанием. Если продукт отечественной промышленности может быть продан в стране столь же дешево, как и продукт иностранной промышленности, то такое указание очевидным образом бесполезно. В противном же случае оно, как правило, будет вредным. Каждый добродетельный отец семейства придерживается правила – никогда не пытаться изготовить дома вещи, изготовление которых обойдется ему дороже, чем их покупка. Портной не пытается сделать себе башмаки, а покупает их у сапожника. Сапожник не пытается сшить себе одежду, а заказывает ее портному. Фермер не пытается делать ни обуви, ни одежды, а заказывает их упомянутым ремесленникам. Все они находят выгодным для себя использовать всю свою производительную силу в том деле, где они имеют какое-то преимущество над своими соседями, и приобретать в обмен на часть своего продукта или, что одно и то же, ценой части своего продукта все остальное, что может им понадобиться.

IV.2.11

Что является благоразумным при ведении дел каждой отдельной семьи, едва ли может быть опрометчивым при ведении дел огромного королевства. Если иная страна может поставлять нам какой-то товар дешевле, чем обойдется нам его производство, то лучше покупать у нее этот товар, отдавая за него некоторую часть продукта нашей производительной силы, использованной в том деле, в котором мы имеем какое-то преимущество. Общая производительная сила страны, величина которой всегда находится в пропорциональной зависимости от величины используемого капитала, при этом уменьшится не более, чем уменьшается производительная сила упомянутых ремесленников, необходимо лишь найти то применение, при котором она может быть использована с наибольшей выгодой. Несомненно, она не используется с наибольшей выгодой, когда она прилагается к предметам, покупка которых может обойтись дешевле, чем их изготовление. Ценность ее годового продукта, несомненно, в большей или в меньшей степени уменьшается, когда она используется таким образом и при этом отвлекается от производства тех товаров, которые очевидным образом имеют большую ценность. Согласно сделанному нами предположению, товар, для производства которого она используется, можно было бы приобрести у других стран дешевле, чем может обойтись его производство в нашей стране. Поэтому этот товар можно было бы приобрести в обмен на только часть наших более ценных товаров или, что одно и то же, по цене, составляющей лишь часть цены этих более ценных товаров, которые могла бы произвести наша промышленность, используя равный по величине капитал. Тем самым производительная сила страны отвращается от более выгодного применения в пользу менее выгодного и обменная ценность ее годового продукта, вместо того чтобы увеличиться, в чем состояло намерение законодателя, неизбежно будет уменьшаться вследствие каждого такого распоряжения.

IV.2.12

Действительно, при помощи таких постановлений производство некоторого товара иногда может быть создано скорее, чем это было бы в ином случае, а спустя некоторое время этот товар можно производить в нашей стране не дороже или дешевле, чем в другой стране. Однако хотя таким образом производительная сила общества может быть с выгодой использована в некотором деле скорее, чем это было бы в ином случае, из этого никоим образом не следует, что при помощи таких постановлений когда-либо возможно увеличить общую величину производительной силы или приносимого ею дохода. Производительная сила общества может быть приумножена только пропорционально приумножению имеющегося у общества капитала, а капитал может приумножаться только пропорционально увеличению возможных сбережений из дохода. Однако немедленным следствием каждого такого постановления будет уменьшение дохода общества, а при уменьшающемся доходе общество, несомненно, едва ли сможет увеличивать свой капитал быстрее, чем оно увеличивало бы его по своей воле, если бы и капиталу, и производительной силе было бы позволено находить себе естественное применение.

IV.2.13

Хотя в отсутствие таких правил общество никогда не добьется развития предложенной отрасли промышленности, но в силу этого оно не обязательно должно быть беднее в любой период своего существования. В каждый период своего существования весь его капитал и вся его производительная сила все же могут быть использованы – хотя и применительно к

различным предметам – наиболее выгодным в данное время образом. Доход общества может быть наибольшим из тех, которые могут быть получены от данного капитала, и как капитал, так и доход могут приумножаться с наибольшей возможной скоростью.

IV.2.14

Естественные преимущества, которые одна страна имеет относительно другой в производстве определенных товаров, иногда бывают настолько велики, что весь мир признает бесплодность борьбы с ними. При помощи стекол, жаровен и отапливаемых стен в Шотландии можно выращивать очень хороший виноград, а из него можно изготавливать очень хорошее вино, затрачивая примерно в тридцать раз больше той цены, которую нужно уплатить за доставку из других стран вина, по меньшей мере столь же хорошего. Будет ли разумным закон, запрещающий ввоз всех иностранных вин просто ради того, чтобы содействовать производству кларета и бургундского вина в Шотландии? Однако если очевидна нелепость затраты на производство чего-либо в тридцать раз больших количеств капитала и производительной силы страны, которые необходимы для приобретения у других стран равного количества нужных товаров, то столь же нелепым – хотя это и не столь очевидно – является и расходование на любое такое производство хотя бы одной тридцатой или даже трехсотой части капитала и производительной силы сверх того, что необходимо для покупки данных товаров за рубежом. Являются ли преимущества, которыми одна страна обладает над другой, естественными или приобретенными – для данного вопроса это не имеет никакого значения. Пока одна страна обладает этими преимуществами, а другая ими не обладает, для этой последней страны всегда будет выгоднее покупать товары у первой страны, чем производить их самой. Приобретенное преимущество имеет место лишь у одного производителя по отношению к другому, который занят другим ремеслом, когда при этом оба они находят более выгодным покупать изделия друг друга вместо того чтобы самим изготавливать то, что не связано с их собственными ремеслами.

IV.2.15

Купцы и промышленники – вот те люди, которые извлекают наибольшую выгоду из этой монополии на внутренний рынок. Запрет на ввоз из других стран скота и солонины, а также высокие пошлины на ввоз из других стран зерна, временами приобретающие характер запретительных, принесли скотоводам и фермерам Великобритании куда меньшую выгоду, чем та, которую другие постановления того же рода принесли купцам и промышленникам этой страны. Промышленные товары – в особенности более тонкого рода – легче перевозить из одной страны в другую, чем зерно или скот. Соответственно внешняя торговля имеет дело главным образом с промышленными товарами. В торговле промышленными товарами даже очень малое преимущество позволит иностранцам превзойти наших собственных работников даже на нашем внутреннем рынке. Для того чтобы добиться этого в торговле непосредственными продуктами земли, им понадобится весьма большое преимущество. Если бы был позволен свободный ввоз иностранных промышленных товаров, то, вероятно, от этого пострадали бы несколько отраслей отечественной промышленности, а некоторые из них, быть может, были бы полностью разрушены, а значительная часть капитала и производительной силы, используемых в этих отраслях в настоящее время, была бы вынуждена найти себе какие-то иные применения. Однако свободный ввоз непосредственных продуктов земли не мог бы оказать подобного влияния на сельское хозяйство нашей страны.

IV.2.21

Воспретить навечно законом ввоз из других стран зерна и скота в действительности означает постановить, что население и промышленность нашей страны никогда не превзойдут тот уровень, который может быть обеспечен непосредственными продуктами нашей собственной земли.

IV.2.22

Представляется, однако, что существуют два случая, в которых будет, как правило, выгодным возложить некоторое бремя на иностранцев в целях поощрения отечественной промышленности.

IV.2.23

Первый случай имеет место тогда, когда некоторая отрасль промышленности необходима для обороны страны. Оборона Великобритании, например, очень сильно зависит от числа ее моряков и кораблей. Поэтому акт о мореплавании представляет собой весьма уместную попытку обеспечить морякам и кораблям Великобритании монополию на обслуживание торговли их собственной страны – в некоторых случаях посредством абсолютных запретов, а в других случаях путем обложения значительными сборами кораблей других стран.

IV.2.30

Второй случай, при котором, как правило, будет выгодно возложить некоторое бремя на иностранцев в целях поощрения отечественной промышленности, имеет место тогда, когда продукция отечественной промышленности на внутреннем рынке облагается каким-то налогом. В этом случае представляется разумным обложить равным налогом продукцию иностранной промышленности. Это не обеспечит отечественной промышленности монополии на внутреннем рынке и не направит в определенную отрасль большей доли капитала и труда общества, чем она получила бы естественным образом. Это всего лишь остановит любую часть этой естественной доли, которая вследствие взимания налога отводится в менее естественном направлении, и оставит конкуренцию между отечественной и иностранной промышленностью после взимания налога, насколько это возможно, на том же уровне, на котором она находилась до взимания налога. В Великобритании, когда продукция отечественной промышленности облагается любым таким налогом, обычно одновременно с этим ввоз всех иностранных товаров того же рода облагается гораздо большей пошлиной, с тем чтобы избежать громогласных жалоб наших купцов и промышленников, опасющихся, что их вытеснят с нашего рынка.

IV.2.31

Это второе ограничение свободы торговли, по мнению некоторых, в иных случаях должно распространяться гораздо дальше точно указанных иностранных товаров, которые могли бы составить конкуренцию товарам, обложенным в нашей стране налогом. Когда в какой-либо стране облагаются налогами предметы первой необходимости, становится уместным, как утверждают эти люди, облагать налогами не только ввозимые из других стран предметы первой необходимости, но и все виды иностранных товаров, которые могут вступить в конкуренцию с какими-либо продуктами промышленности этой страны. По мнению этих людей, вследствие взимания таких налогов поддержание жизни неизбежно становится дороже, а с ростом стоимости поддержания жизни работников всегда должна возрастать и цена рабочей силы. Поэтому каждый товар, производимый

отечественной промышленностью, хотя он сам непосредственно и не облагается налогом, вследствие взимания таких налогов становится дороже, поскольку дорожает рабочая сила, используемая для его производства. Следовательно, по мнению этих людей, такие налоги в действительности равносильны налогообложению всех отдельных товаров, производимых в стране. Поэтому для того, чтобы поставить отечественную промышленность в равные условия с иностранной, становится необходимым, по мнению этих людей, обложить каждый иностранный товар некоторой пошлиной, равной соответствующему приросту цены отечественных товаров, которым он может составить конкуренцию.

IV.2.32

Приводит ли налогообложение предметов первой необходимости – какое, например, имеет место в Великобритании в отношении мыла, соли, кожи, свечей и т. д. – к неизбежному росту цены рабочей силы или нет – этот вопрос я буду обсуждать в дальнейшем, когда перейду к рассмотрению налогов. Если, однако, на время допустить, что налоги действительно и несомненно имеют такой эффект, то это общее повышение цены всех товаров вследствие повышения цены труда отличается от повышения цены на отдельный товар вследствие обложения его отдельным налогом в двух отношениях, которые характеризуются ниже.

IV.2.33

Во-первых, всегда можно установить с величайшей точностью, насколько может увеличить цену такого товара введение такого налога; однако насколько общее увеличение цены труда может повлиять на цену каждого отдельного товара, в производстве которого используется труд, установить со сколько-нибудь приемлемой точностью никогда не бывает возможным. Поэтому было бы невозможно со сколько-нибудь приемлемой точностью связать налогообложение каждого иностранного товара с этим повышением цены каждого отечественного товара.

IV.2.34

Во-вторых, налоги на предметы первой необходимости оказывают на положение народа почти такое же влияние, какое оказывают скудная почва и плохой климат. Необходимые продукты при введении этих налогов становятся дороже таким же образом, как если бы для их производства требовались необычайно большие количество труда и расходы. Как в случае естественной бедности, вызванной состоянием почвы и климата, было бы нелепо указывать людям, каким образом они должны использовать свои капиталы и производительную силу, точно так же это будет нелепо и в случае искусственной бедности, вызванной такими налогами. В обоих этих случаях, очевидно, наиболее выгодным для них будет, если им предоставят самостоятельно приспособлять свои производительные силы к своему положению наилучшим возможным образом и находить такие занятия, в которых они, невзирая на неблагоприятные обстоятельства, могут иметь какое-то преимущество либо на внутреннем, либо на внешнем рынке. Облагать их новым налогом на том основании, что они уже чрезмерно обременены налогами и уже платят чрезмерно высокую цену за предметы первой необходимости, заставляя их платить подобную же чрезмерно высокую цену за большую часть других товаров – это, несомненно, наиболее абсурдный способ исправления положения.

IV.2.35

Такие налоги, когда они вырастают до определенного уровня, становятся проклятием не меньшим, чем скудость почвы или немилосердие небес, но тем не менее чаще всего они вводятся в самых богатых и обладающих наибольшими производительными силами странах. Все остальные страны не могли бы выдерживать столь сильное нарушение порядка. Подобно тому как при неблагоприятных условиях могут жить и сохранять здоровье лишь самые сильные организмы, только страны, обладающие наибольшими естественными и приобретенными преимуществами во всех отраслях промышленности, могут поддерживать свое существование и процветать при

наличии таких налогов. Из стран Европы они в наибольшей мере применяются в Голландии, но вследствие особенных обстоятельств эта страна продолжает процветать не благодаря этим налогам (предполагать такое было бы верхом нелепости), – но вопреки им.

IV.2.36

Поскольку существуют два случая, при которых, как правило, будет выгодно возложить некоторое бремя на иностранцев в целях поощрения отечественной промышленности, существуют и два случая, в которых может оказаться необходимым решать: в одном случае – насколько уместно продолжать свободный ввоз некоторых иностранных товаров, а в другом – насколько и каким образом может быть уместным восстановление такого свободного ввоза после того, как он был прекращен на некоторое время.

IV.2.37

Случай, при котором иногда может оказаться необходимым решить, насколько уместно продолжать свободный ввоз некоторых иностранных товаров, имеет место тогда, когда какая-то другая страна ограничивает при помощи высоких пошлин или запретов ввоз к себе некоторых наших промышленных товаров. В этом случае чувство мести естественным образом требует принятия ответных мер в виде введения подобных пошлин и запретов в отношении ввоза некоторых или всех промышленных товаров этой страны в нашу страну. Соответственно страны редко отказываются от принятия подобных мер возмездия.

IV.2.38

Меры возмездия этого рода могут быть хорошей политикой, когда существует вероятность того, что они вызовут отмену высоких пошлин или запретов, в связи с которыми они принимаются. Возвращение себе большого иностранного рынка, как правило, более чем компенсирует временные неудобства, связанные с необходимостью в течение короткого времени платить дороже за некоторые виды товаров. Судить о том, какова вероятность того, что меры возмездия возымеют такой эффект, возможно, надлежит не столько законодателю, чьи решения должны определяться всегда неизменными общими принципами, сколько тому коварному и ловкому животному, которое известно под вульгарным названием «государственного деятеля» или «политика», чьи советы определяются сиюминутным состоянием дел. Когда вероятность такой отмены ограничений отсутствует, эти меры представляются неудачным методом возмещения ущерба, причиненного некоторым классам нашего народа, путем нанесения ответного ущерба не только соответствующим классам другого народа, но и почти всем остальным его классам. Когда наши соседи запрещают ввоз некоторых наших промышленных товаров, мы обычно запрещаем ввоз не только этих же товаров, ибо один лишь такой запрет сам по себе редко оказывает на них значительное действие, – мы также запрещаем ввоз некоторых других изделий их промышленности. Это, вне всякого сомнения, может благотворно подействовать на какой-то отдельный класс наших промышленников: исключение части их соперников может позволить им повысить цены на свои изделия на нашем внутреннем рынке. Однако наши запреты не принесут пользы тем промышленникам, которые пострадали из-за запретов, введенных нашими соседями. Напротив, они – и почти все остальные классы наших граждан – будут вынуждены платить за некоторые товары больше, чем они платили до этого. Поэтому каждый такой закон, по существу, налагает на всю страну налог, идущий не в пользу того класса промышленников, который пострадал из-за запретов наших соседей, а в пользу какого-то другого класса.

IV.2.39

Случай, при котором иногда может оказаться необходимым решить, насколько и каким образом может быть уместным восстановление свободного ввоза иностранных товаров, после того как он был прекращен на некоторое время, имеет место тогда, когда благодаря высоким пошлинам или

запретам на ввоз всех иностранных товаров, которые могут составить конкуренцию отечественным товарам, отдельные отрасли промышленности получили такое широкое распространение, что стали давать занятие большому количеству работников. В этом случае соображения человечности могут потребовать, чтобы свобода торговли восстанавливалась лишь постепенно и медленно, с немалой осторожностью и осмотрительностью. Если эти высокие пошлины и запреты будут отменены немедленно, более дешевые иностранные товары того же рода могут нахлынуть на отечественный рынок с такой быстротой, что сразу же лишат многие тысячи наших людей их обычных занятий и средств к существованию. Нарушение порядка, которое может возникнуть в таком случае, без сомнения, будет весьма значительным. Однако, по всей вероятности, оно будет намного меньшим, чем это обычно представляется, в силу двух нижеследующих причин.

IV.2.40

Во-первых, самый свободнейший ввоз иностранных товаров очень мало повлияет на все те отрасли промышленности, в которых какая-либо часть продуктов обычно вывозится в другие страны Европы без каких-либо привилегий. Такие товары должны продаваться за рубежом так же дешево, как и любые другие иностранные товары того же рода и качества, и, следовательно, должны продаваться более дешево и на внутреннем рынке. Поэтому они и в рассматриваемом случае по-прежнему будут господствовать на внутреннем рынке, и хотя какой-нибудь капризный последователь моды и может порой отдавать предпочтение иностранным изделиям просто потому, что они сделаны за границей, отворачиваясь от более дешевых и лучших товаров этого же рода, изготовленных в нашей стране, такая глупость в силу самой природы вещей может быть присуща лишь столь немногим людям, что она не может оказывать ощутимого влияния на общую занятость народа. Однако большие количества самых разных наших шерстяных изделий, нашей дубленой кожи и наших скобяных товаров каждый год вывозятся в другие страны Европы без каких-либо привилегий и именно в производстве этих товаров занято наибольшее количество работников. Такая свобода торговли, возможно, нанесла бы наибольший ущерб производству шелковых тканей и во вторую очередь – производству льняных тканей, хотя последнее пострадало бы гораздо меньше первого.

IV.2.41

Во-вторых, хотя вследствие восстановления свободы торговли большое количество людей должны будут немедленно лишиться своих обычных занятий и обычных способов обеспечения своего существования, отсюда никоим образом не следует, что эти люди тем самым лишатся либо работы, либо средств к существованию. Вследствие сокращения армии и флота по окончании последней войны более ста тысяч солдат и моряков – число, равное количеству занятых в крупнейших отраслях промышленности, – сразу же лишились своих обычных занятий, однако, хотя они, несомненно, и испытали некоторые неудобства, но не лишились вследствие этого работы и средств к существованию навсегда. Бульшая часть моряков, вероятно, постепенно по мере возможности находили себе работу в торговом флоте, а перед тем и моряки, и солдаты растворились в массе народа и находили себе применение в самых различных областях. Столь значительное изменение положения более ста тысяч человек – причем все эти люди привыкли иметь дело с оружием, а многие из них были склонны к насилию и грабежу – не вызвало не только больших потрясений, но и просто ощутимого нарушения порядка. Число бродяг едва ли ощутимо увеличилось где-либо, и, насколько мне удалось узнать, даже заработная плата работников не уменьшилась ни в одной профессии, за исключением моряков торгового флота. Однако если мы сравним привычки солдата с привычками промышленного рабочего любого рода, то мы обнаружим, что привычки последнего не столь сильно препятствуют ему найти себе занятие в другой профессии, в то время как привычки первого в большей степени мешают ему найти себе применение в любой профессии.

Промышленный рабочий всегда привычен к тому, чтобы обеспечивать свое существование только своим трудом; солдат же привык рассчитывать на свое жалование. Один хорошо знает, что такое прилежание и производительный труд; другой привык к праздности и рассеянности. Однако не приходится сомневаться в том, что намного легче перенести свое прилежание с одного вида труда на другой, чем сменить праздность и рассеянность на любой труд. Кроме того, у большей части промышленных рабочих, как уже было замечено, существуют иные, дополнительные занятия столь схожего с их основной работой характера, что такой рабочий легко может перенести свою производительную силу из одного занятия в другое. Большая часть таких рабочих также время от времени занимаются приработками в деревнях. Капитал, который ранее давал им работу в какой-либо отрасли промышленности, по-прежнему останется в стране и будет использовать равное число людей каким-то иным образом. Капитал страны останется тем же, подобным же образом тем же или почти тем же останется и спрос на рабочую силу, хотя он может проявляться в других местах и для других занятий. В самом деле, солдаты и моряки, уволенные с королевской службы, вольны заниматься любым ремеслом в любом городе или в любой местности Великобритании. Пусть такая же свобода заниматься любым производительным трудом по своему желанию будет восстановлена для всех подданных его величества точно так же, как она предоставлена солдатам и морякам, иными словами, пусть будут отменены исключительные привилегии корпораций и упразднен статус подмастерья – и то и другое представляет собой настоящее покушение на естественную свободу – и пусть к этому добавится отмена закона об оседлости, с тем чтобы бедный рабочий, лишившись работы в какой-либо отрасли промышленности или в какой-либо местности, мог бы искать работу в другой отрасли или в другой местности без страха подвергнуться преследованию или изгнанию – и ни общество, ни отдельные люди не будут страдать из-за временного упразднения отдельных классов промышленных рабочих намного больше, чем они страдают из-за роспуска солдат. Наши промышленные рабочие, без сомнения, имеют большие заслуги перед страной, но они не могут иметь большего, чем те, кто проливал свою кровь, защищал страну, или заслуживать более деликатного отношения к себе.

IV.2.42

На самом деле ожидать полного восстановления свободы торговли в Великобритании столь же нелепо, как и ожидать, что в ней когда-либо образуется Океан или Утопия. Непреодолимое сопротивление этому оказывают не только предубеждения общества, но и частные интересы многих отдельных людей – что гораздо менее преоборимо. Если бы армейские офицеры противились сокращению численности армии так же ревностно и единодушно, как промышленники встают против каждого закона, который, скорее всего, может увеличить число их соперников на внутреннем рынке; если бы первые воодушевляли своих солдат так же, как последние побуждают своих рабочих яростно и гневно нападать на всех, кто предлагает подобные постановления, – пытаться сократить армию было бы столь же опасно, как сейчас становится опасным пытаться ослабить в любом отношении ту монополию, которую получили по отношению к нам наши промышленники. Эта монополия настолько увеличила число отдельных их кланов, что, подобно непомерно разросшейся армии, они уже стали опасными для правительства и во многих случаях держат в страхе законодательную власть. Член парламента, поддерживающий каждое предложение по укреплению этой монополии, несомненно, приобретет не только репутацию знатока торговли, но и огромную популярность и влияние среди тех людей, которые в силу своей численности и богатства имеют весьма важное значение. И наоборот, если он выступает против таких предложений и, в еще большей степени, если он достаточно авторитетен для того, чтобы быть способным провалить их, ни самым достовернейшим образом доказанная честность, ни высочайший ранг, ни великие заслуги перед обществом – ничто не сможет защитить его от самых неблагоприятных поношений и хулы,

от личных оскорблений, а иногда и от настоящей опасности возникающей вследствие дерзких преследований со стороны разгневанных и раздраженных монополистов.

IV.2.43

Владелец большой мануфактуры, который вследствие внезапного открытия рынков страны для иностранных конкурентов, вынужден будет оказаться от своего предприятия, несомненно, понесет весьма значительный ущерб. Та часть его капитала, которая ранее обычно использовалась для закупки материалов и для оплаты труда рабочих, возможно, без больших затруднений сможет найти себе другое применение. Однако та его часть, которая была вложена в рабочие здания и в орудия труда, едва ли может быть высвобождена без значительных потерь. Поэтому справедливое уважение к его интересам требует, чтобы изменения такого рода никогда не совершались бы внезапно, но осуществлялись бы медленно, постепенно и после весьма заблаговременного предупреждения. Если бы решения законодательной власти могли всегда определяться не шумными схватками частных интересов, а широкой заботой об общем благе, то эта власть могла бы, быть может, проявлять в данном вопросе особую осторожность, с тем чтобы не создавать никаких новых монополий такого рода и не расширять далее те монополии, что уже созданы. Каждое такое постановление вносит некоторую степень беспорядка в устройство государства, и будет сложно в дальнейшем устранить этот беспорядок, не вызвав при этом другого расстройство.

IV.2.44

Насколько уместным может быть обложение налогами ввоза иностранных товаров не в целях предотвращения их ввоза, но для увеличения дохода правительства – этот вопрос я буду рассматривать, когда перейду к рассмотрению налогов. Очевидно, что налоги, вводимые с целью предотвратить или хотя бы уменьшить ввоз товаров, столь же губительны для таможенных доходов, сколь губительны они для свободы торговли.

Об исключительных ограничениях на ввоз почти всех товаров из тех стран, баланс с которыми считается неблагоприятным

О неразумности таких ограничений, даже исходя из принципов системы торговли

На полях: Исходя из принципов системы меркантилизма, такие ограничения неразумны, так как:

(1) если свободная торговля с Францией и привела к неблагоприятному балансу с ней, тем не менее этого не произошло по отношению к миру в целом,

(2) часть товаров, ввозимых во Францию, можно вывезти вновь и в обмен на них получить золото и серебро,

и (3) о балансе нельзя знать наверняка:

таможенный учет бесполезен, несколько более полезен курс обмена.

Те принципы, которые я исследовал в предыдущей главе, исходят из частных интересов и духа монополии; принципы, которые я собираюсь исследовать в этой главе, порождены

национальным предубеждением и враждебностью. Соответственно, как и следовало ожидать, они еще более неразумны. Они неразумны, даже исходя из принципов системы торговли.

Во-первых, хотя и было очевидно, что в случае свободной торговли, например, между Францией и Англией баланс сместится в пользу Франции, из этого отнюдь не следовало, что такая торговля невыгодна Англии или что общий баланс ее торговли в целом вследствие этого в большей степени обернется против нее. Если вина Франции лучше и дешевле португальских или французское белье лучше или дешевле белья Германии, то Великобритании в случае необходимости выгодно покупать как вино, так и иностранное белье во Франции, а не в Португалии или Германии. Хотя благодаря этому значительно возрастет стоимость ежегодно ввозимых французских товаров, стоимость всех ежегодно ввозимых товаров понизится соразмерно тому, насколько французские товары одинакового качества дешевле таких же товаров двух других стран. Это могло бы иметь место, даже исходя из предположения, что все ввозимые французские товары потреблялись бы Великобританией.

Тем не менее, во-вторых, значительную их часть можно снова вывезти в другие страны, где, продав их с прибылью, можно было бы получить доход, по стоимости, пожалуй, равный первоначальной цене всех товаров, ввозимых из Франции. То, что часто говорилось об остиндской торговле, вероятно, можно применить и к французской, а именно что хотя значительная часть остиндских товаров покупается на золото и серебро, обратный вывоз их части в другие страны возвращает стране, ведущей торговлю, больше золота и серебра, чем первоначальная цена товаров со всеми расходами. В настоящее время одной из наиболее важных отраслей голландской торговли является доставка французских товаров в другие европейские страны. Даже часть французских вин, которые пьют в Великобритании, нелегально ввозится из Голландии и Зеландии. Если бы существовала свободная торговля между Францией и Англией или если бы ввоз французских товаров был разрешен после уплаты пошлин, равных взимаемым с других европейских народов, которые возвращались бы при вывозе, то Англия могла бы получить некоторую долю в торговле, которая считается столь выгодной для Голландии.

Третье, и последнее. Не существует определенного критерия, по которому можно определить, у какой из двух стран так называемый баланс положительный или какая из них вывозит товаров на большую стоимость. Национальное предубеждение и враждебность, всегда руководимые частными интересами отдельных торговцев, представляют собой принципы, которые, как правило, диктуют нам наши взгляды на все касающиеся этого вопросы. Тем не менее есть два критерия, к которым часто обращаются в таких случаях, – таможенный учет и курс обмена. Я считаю таможенный учет, и это сейчас общепризнанно, весьма сомнительным критерием вследствие неточности оценки большей части товаров, занесенных в него. Курс обмена, пожалуй, столь же ненадежен.

О неразумности исключительных ограничений в силу других принципов

Ничто тем не менее не может быть абсурднее учения о торговом балансе в целом, на котором основаны не только эти ограничения, но и практически все другие правила торговли. Когда две страны торгуют друг с другом, это учение предполагает, что при одинаковом балансе ни одна из стран не выигрывает и не оказывается в проигрыше; но даже при незначительном

отклонении баланса в какую-либо сторону одна из них проигрывает, а другая выигрывает соразмерно отклонению баланса от строгого равновесия. Оба предположения ложны. Торговля, навязываемая премиями и монополиями, может быть и обыкновенно невыгодна для той страны, в пользу которой ее предполагается установить, что я и постараюсь показать в дальнейшем. Но та торговля, которая постоянно и естественно, без нажима и ограничений ведется между двумя странами, выгодна всегда, хотя и не всегда в равной мере для обеих стран.

Под выгодой или выигрышем я понимаю не увеличение количества золота и серебра, а рост обменной стоимости ежегодного продукта земли и труда страны либо увеличение ежегодной выручки ее жителей.

Ссылка на полях:

При равномерном балансе и обмене исключительно собственными товарами выигрыш обеих торгующих стран будет почти равным.

Если баланс распределен равномерно и торговля между двумя странами состоит только в обмене производимыми ими товарами, то в большинстве случаев не только обе страны останутся в выигрыше, но выигрыш будет равным или почти равным; при этом каждая из стран предоставит рынок для части прибавочного продукта другой, каждая вернет капитал, занятый в производстве для рынка этого прибавочного продукта другой страны, который был распределен между известным числом ее жителей, принес им выручку и средства к существованию. Таким образом, известная часть жителей каждой страны косвенно получит выручку и средства к существованию от другой. Так как предполагается, что обмениваемые товары также имеют равную стоимость, то в большинстве случаев и оба занятых в торговле капитала будут равными или почти равными; и так как они заняты в производстве собственных товаров каждой страны, то выручка и средства к существованию, которые позволят получить жителям каждой из стран распределение капитала, будут равными или почти равными. Такие взаимно обеспеченные выручка и средства к существованию будут увеличиваться или уменьшаться соразмерно объему сделок. Например, если объем сделок каждой страны будет достигать ста тысяч или миллиона фунтов стерлингов в год, то каждая из них обеспечит жителям другой страны ежегодную выручку в размере ста тысяч фунтов стерлингов в одном случае и миллиона фунтов стерлингов в – другом.

Ссылка на полях:

Если одна страна вывозит только свои собственные, а другая исключительно иностранные товары, то обе останутся в выигрыше, но выигрыш первой будет большим.

Если бы природа их торговли была таковой, что одна из них вывозила в другую только собственные товары, в то время как в обмен получала бы только иностранные, предполагалось бы, что баланс в этом случае одинаков, так как товары оплачиваются товарами. В этом случае также выиграют обе страны, но выигрыш не будет равным; большую выручку от этой торговли получают жители страны, вывозящей только собственные товары. Например, если бы Англия ввозила из Франции исключительно французские товары и, не имея собственных, пользующихся там спросом, ежегодно оплачивала бы их отправкой во Францию большого количества иностранных товаров, скажем табака или остиндских товаров, то такая торговля,

несмотря на то что принесла бы некоторую выручку жителям обеих стран, дала бы больше французам, чем англичанам. Весь ежегодно занятый в этой торговле французский капитал распределялся бы ежегодно между жителями Франции, тогда как между жителями Англии ежегодно распределялась бы только часть английского капитала, занятая в производстве английских товаров, идущих в оплату за такие иностранные товары. Большая его часть восполнила бы капиталы, занятые в Виржинии, Индостане и Китае, приносящие выручку и средства к существованию жителям этих далеких стран. Поэтому при равных или почти равных капиталах такое использование капитала Франции в гораздо большей степени увеличивало бы выручку французов, чем то же использование капитала Англии — выручку англичан. В этом случае Франция будет вести прямую внешнюю потребительскую торговлю с Англией, тогда как подобная торговля Англии с Францией будет косвенной. Различные следствия от использования капитала в прямой или косвенной внешней потребительской торговле уже получили исчерпывающее объяснение.

Ссылка на полях:

Смешанные случаи находятся в соответствии с принципами.

Скорее всего, не существует такой торговли между двумя странами, которая состояла бы в обмене только собственными товарами или собственными товарами с одной стороны и иностранными — с другой. Почти все страны производят взаимный обмен отчасти собственными и отчасти иностранными товарами. Тем не менее главный выигрыш всегда получает страна, грузы которой состоят из большего количества собственных и меньшего количества иностранных товаров.

Ссылка на полях:

Англии все равно, чем платить: золотом и серебром или табаком.

Если бы за товары, ежегодно ввозимые из Франции, Англия платила золотом и серебром, а не табаком и остиндскими товарами, то баланс не считался бы одинаковым, так как товары оплачивались бы не товарами, а золотом и серебром. Тем не менее в этом, как и в предыдущем, случае торговля принесла бы некоторую выручку жителям обеих стран, при этом французы получили бы больше англичан. Она принесла бы некоторую выручку жителям Англии. Таким образом, капитал, занятый в производстве английских товаров, которые шли в оплату за золото и серебро, тот капитал, который распределялся среди известных жителей Англии и приносил им выручку, восполняется и используется в тех же целях. От такого вывоза золота и серебра капитал Англии в целом уменьшится не более, чем от вывоза любых других товаров равной стоимости. Напротив, в большинстве случаев он увеличится. За границу отсылаются только те товары, в отношении которых считается, что за рубежом спрос на них выше, чем внутри страны, и соответственно ожидается, что выручка, получаемая от их продажи, внутри страны будет иметь большую стоимость, чем стоимость товаров, предназначенных к вывозу.

Если отправка во Францию табака, который в Англии стоит всего 100 тыс. фунтов, позволит купить вино, стоящее в Англии 110 тыс. фунтов, то такой обмен увеличит капитал Англии на десять тысяч фунтов. Если соответственно за сто тысяч английских фунтов золотом во Франции можно купить вино, которое в Англии стоит 110 тыс. фунтов, то такой обмен

одинаково увеличит капитал Англии на 10 тыс. фунтов. Как торговец, в погребе которого хранится вино стоимостью в 110 тыс. фунтов, будет богаче того, на складе которого лежит табак стоимостью только в сто тысяч фунтов, то точно так же первый будет богаче торговца, в чьих сундуках хранится золото стоимостью только в 100 тыс. фунтов. Он может привести в движение большее количество промышленности, обеспечить выручкой, средствами к существованию и работой больше людей, чем любой из двух других. Но капитал страны равен сумме отдельных капиталов всех ее жителей и количество промышленности, которое может ежегодно поддерживаться в стране, равно тому, которое могут обеспечить эти отдельные капиталы вместе взятые. Поэтому путем такого обмена должны в целом увеличиться как капитал страны, так и количество промышленности в этой стране. И действительно, для Англии было бы выгоднее покупать французские вина на свои собственные скобяные товары и сукно, а не обменивать их на табак из Виржинии или золото и серебро из Бразилии и Перу. Прямая внешняя потребительская торговля всегда выгоднее косвенной. Но представляется, что косвенная внешняя потребительская торговля, которую ведут на золото и серебро, не менее выгодна, чем любая другая подобная косвенная торговля.

Также и страна, в которой нет рудников, вряд ли больше обеднеет золотом и серебром вследствие такого ежегодного вывоза этих металлов, чем та, которая не выращивает табак, но, как и первая, ежегодно его вывозит. Как и страна, обладающая необходимыми средствами для покупки табака, никогда не будет долго терпеть недостатку в нем, так не будет долго терпеть отсутствие золота и серебра страна, у которой есть средства на приобретение этих металлов.

Тем не менее хотя богатство соседнего народа и опасно в военном и политическом отношении, оно несомненно выгодно в плане торговли. В состоянии враждебности оно может позволить нашим врагам содержать флот и армию, превосходящие наши собственные, тогда как в состоянии мира и при наличии торговли оно также должно позволить им обмениваться с нами товарами на большую стоимость, предоставить лучший рынок либо для непосредственного продукта нашей собственной промышленности, либо для всего, что покупается в обмен на этот продукт. В той мере, в какой, скорее всего, богатый, а не бедный будет лучшим потребителем для трудящихся людей, живущих рядом с ним, это также относится и к богатому народу. Действительно, богатый человек, сам будучи производителем, представляет собой очень опасного соседа для всех, кто занимается тем же делом. Тем не менее все остальные соседи, значительное их число, получают прибыль благодаря хорошему рынку, который предоставляют им его расходы. Они выгадывают даже тем, что производитель продает дешевле других менее богатых рабочих, занимающихся тем же делом. Подобным же образом производители богатого народа, несомненно, могут быть опасными соперниками соседним производителям. Однако именно эта конкуренция выгодна значительной массе людей, которые, кроме того, получают прибыль от хорошего рынка, предоставляемого им тем или иным способом благодаря большим расходам такого народа. У частных лиц, желающих разбогатеть, никогда не возникает и мысли об отъезде в отдаленные бедные провинции страны, они селятся либо в столице, либо в одном из больших торговых городов. Они знают, что в тех местах, где обращается мало богатств, мало и получишь, но там, где в движении значительное их количество, некоторая доля может достаться и им. Те же самые принципы, которые таким образом направляют здравый смысл одного, или десяти, или двадцати людей, должны управлять суждением одного, или десяти,

или двадцати миллионов, должны заставлять весь народ рассматривать богатство своих соседей в качестве вероятной причины и возможности приобретения собственного богатства. Народ, стремящийся разбогатеть посредством внешней торговли, безусловно добьется этого, если все его соседи – богатые, трудолюбивые и торговые народы. Окруженный со всех сторон кочующими дикарями и бедными варварами, великий народ несомненно мог бы разбогатеть, возделывая свои собственные земли, ведя внутреннюю, но не внешнюю торговлю. Кажется, именно так древние египтяне и современные китайцы приобрели свое огромное богатство. Говорят, что древние египтяне игнорировали внешнюю торговлю, а современные китайцы, как известно, относятся к ней с крайним презрением и едва ли удостоивают ее необходимой защиты законов. Современные принципы внешней торговли своей направленностью на обеднение наших соседей до такой степени, чтобы появилась возможность возыметь желаемый результат, стремятся превратить такую торговлю в незначительную и не стоящую внимания.

Ссылка на полях:

При отсутствии ограничений торговля с Францией будет для Англии выгоднее, чем торговля с Америкой.

Именно вследствие этих принципов торговля между Францией и Англией подверглась такому количеству пагубных воздействий и ограничений в обеих странах. Тем не менее если бы эти страны учли свой действительный интерес без меркантилистической зависти или национальной вражды, то торговля с Францией могла бы принести Великобритании большую выгоду, чем торговля с любой другой страной, и по той же причине торговля с Великобританией была бы выгодна Франции. Франция – ближайший сосед Великобритании. От торговли между южным побережьем Англии и северным и северо-западным побережьем Франции, как и от внутренней торговли, можно ожидать получение прибыли четыре, пять или шесть раз в год. Поэтому капитал, занятый в этой торговле, мог бы поддерживать в движении в четыре, пять или шесть раз большее количество промышленности обеих стран, давать работу и средства к существованию в четыре, пять или шесть раз большему числу людей, чем равный ему капитал, занятый в большинстве других отраслей внешней торговли. От торговли между наиболее удаленными друг от друга частями Франции и Великобритании получения прибыли можно ожидать по крайней мере один раз в год, но даже эта торговля будет по крайней мере не менее выгодна, чем значительная часть отраслей нашей внешней торговли с европейскими странами. Она была бы по крайней мере в три раза выгоднее, чем хваленая торговля с нашими североамериканскими колониями, где прибыль на капитал редко получают менее чем за три года, а часто за четыре или пять лет. Кроме того, считается, что во Франции проживает 24 млн населения, а в наших североамериканских колониях никогда не насчитывалось более 3 млн. При этом Франция гораздо богаче Северной Америки, хотя за счет более неравномерного распределения богатств в этой стране гораздо больше нищих и попрошайек, чем в последней. Поэтому Франция могла бы предоставить рынок по крайней мере в восемь раз больший и за счет исключительной быстроты оборота капиталов в 24 раза более выгодный, чем тот, который когда-либо давали нам североамериканские колонии. Торговля с Великобританией была бы столь же выгодна для Франции и соразмерно богатству, населению и близости этих стран, обладала бы тем же преимуществом, которое имеет Франция, торгуя

со своими колониями. В этом и заключается именно то громадное различие между торговлей, осуществлению которой сочла нужным мешать мудрость обоих народов, и той, которой она способствовала более всего.

Ссылка на полях:

Однако торговцы Франции и Англии друг другу завидуют.

Но те же самые обстоятельства, которые превратили бы открытую и свободную торговлю между двумя странами в столь выгодную им обеим, стали причиной возникновения основных препятствий для этой торговли. Будучи соседями, они непременно будут и врагами, и в силу этого богатство и власть каждой из них предстают в более грозном свете для другой; поэтому то, что усиливало бы преимущество национальной дружбы, служит только для разжигания ярости национальной вражды. Оба эти народа богаты и трудолюбивы; торговцы и производители каждого из них опасаются конкуренции умений и действий торговцев и производителей другого. Возбуждается меркантилистическая зависть, которая как разжигает, так и сама вызвана яростью национальной вражды; и торговцы обеих стран со всей неистовой убежденностью корыстной лжи объявили о своем несомненном разорении, вызванном неблагоприятным торговым балансом, который, как они мнят, станет неизбежным результатом торговли между этими странами при отсутствии ограничений.

Ссылка на полях:

Ни одна из стран еще не обеднела из-за неблагоприятного баланса, и те, торговля которых была наиболее свободной, более всего обогатились за счет внешней торговли.

В Европе нет такой торговой страны, скорое разорение которой, вызванное неблагоприятным торговым балансом, часто не предсказывали бы мнимые законники этой системы. Тем не менее после всех беспокойств, которые они возбуждали по этому поводу, после всех тщетных попыток почти всех торговых народов обратить этот баланс в свою пользу и против соседей, кажется, что по этой причине ни в каком смысле не обеднел еще ни один европейский народ. Наоборот, каждый город и страна, вместо того чтобы разориться в результате такой свободной торговли, что и следовало ожидать, следуя принципам торговой системы, обогатились с ее помощью соразмерно тому, как они открывали свои порты всем народам. Не смотря на то что в Европе действительно есть несколько городов, которые в некотором отношении заслуживают права именоваться свободными портами, нет такой страны, которая была бы достойна того же. Наиболее близка этому типу, пожалуй, Голландия, хотя и ей все еще далеко до него; и Голландия, что признано, получает от внешней торговли не только все свое богатство, но и значительную часть необходимых ей средств к существованию.